

ко как утраты, на которую реагирует консерватизм и, тем самым, переходом на позиции Хантингтона о ситуационном консерватизме вместо теоретически зрелой концепции Мангейма, которую автор справедливо защищает.

Сегодня в России речь идет о модернизационных проектах в сфере развития технологий, политической системы, гражданского общества, науки, образования. Пока это еще только стремление к подобному проектированию, не получившее общих характеристик, которыми можно характеризовать как модернизационный процесс, так и проект.

Консерватизм как модернистский проект и как политтехнология элиты

А.Н. Окара, кандидат юридических наук

В докладе М.В. Ремизова предпринята интересная попытка описать именно концептуальное ядро консерватизма, а не его экспликации, экстраполяции и ценности, как это чаще всего происходит в апологетических работах по консервативной политической философии.

Консерватизм — это реактивный идеологический проект, созданный в нынешнем виде в ходе поиска концептуальных альтернатив Просвещению и Французской революции 1789 г. Неслучайно само это слово, сам термин и первичную концепцию предложил французский писатель-романтик Шатобриан в «Замогильных записках» и некоторых других текстах.

Но дискурс консерватизма ограничен именно эпохой Модерна: о «чистом» консерватизме можно говорить, начиная с 1789 г. и по вторую половину XX в. Когда заканчивается проект «Модерн», консерватизм теряет свою сущность, которую В.М. Межуев определил здесь как «проектность прошлого».

А в постмодернистской реальности появляются идеологические гибриды — такие как неоконсерватизм, консервативный либерализм, либеральный консерватизм, неолиберализм, либертариизм и проч.

Более того, как мне представляется, «чистые» идеологии — консерватизм, либерализм, социал-демократия — это феномен именно Модерна. Распад проекта «Модерн» и умирание модернистских ценностей совпадает с процессом мутации идеологий — рискну предположить, что между этими процессами есть причинно-следственная связь.

В нынешних условиях границы между различными идеологиями зачастую достаточно произвольны и устанавливаются волюнтаристским методом — тем или иным автором или идеолог-мейкером. В постмодернистской реальности социализм, социал-демократия, либерализм и консерватизм размываются: постмодернистски ориентированные теоретики говорят о необходимости и неотвратимости идеологического микса (механического совмещения разнородных идеологем) или синтеза.

Очень важный вопрос — по поводу различения консерватизма, традиционализма, охранительства и консервативной революции. Мне представляется, что следует говорить не об охранительстве как отдельной идеологии, а об охранительном консерватизме — как разновидности консерватизма, причем, наиболее востребованной. Правда, охранительный консерватизм выступает чаще всего не в виде утонченной философской концепции — как, скажем, консервативная революция, — а как политехнология власти, пропагандистская программа, упрощенная интерпретационная схема и т. п. Хотя и концептуализация охранительному консерватизму не чужда, в чем убеждаемся на примерах, скажем, Владислава Суркова, Глеба Павловского и созданных ими интеллектуальных сообществ.

Консервативная революция оперирует не к недавнему прошлому, как классический консерватизм, а к далекому

прошлому. Консервативная революция — это проектность давнего прошлого.

Классический консерватизм — это проектность недавнего прошлого.

Охранительный консерватизм — это абсолютизация и апологетика настоящего, т. е. консервация существующего баланса сил и интересов, сохранение статус-кво, что и делает элиту элитой. Тот же концепт «суверенной демократии» — это ответ на вызов Оранжевой революции, как правильно когда-то за этим столом говорил ныне покойный Вадим Цымбурский. Это попытка не допустить никакой революции или «креативной деструкции» в России, в ходе которой представители элиты могут лишиться всех своих ресурсов и статуса в иерархии. То есть это технология самосохранения элиты: фиксируются те смысловые и ценностные моменты, которые позволяют именно этим людям быть элитой.

Хорошо, конечно, «консервировать» социально-политическую ситуацию, в которой элитой является родовитая аристократия или хотя бы советская техническая интеллигенция — люди достойные, с жестким кодексом сословной чести, которые объективно являются субъектами развития страны.

В нашей же российской ситуации элитой являются люди, зарабатывающие на демодернизации, архаизации и уничтожении страны. «Охранители» предлагают «законсервировать» именно такое состояние — как говорится, лишь бы не было войны.

В чем принципиальная разница между далеким прошлым и недавним — как социально-философскими категориями? Далекое прошлое существует именно в формате Примордиальной Традиции, т. е. незыблемых ценностей, имеющих не человеческое, а божественное происхождение. Недавнее прошлое — это уже сфера действия вполне человеческих законов и интересов.

Поэтому, думаю, консервативная революция — это не разновидность консерватизма, а отдельная политическая

философия и идеология — наряду с либерализмом, социал-демократией и проч. Если консерватизм — это продукт Модерна и, как подчеркивает Михаил Ремизов, альтернатива Просвещению, то консервативная революция — это что-то вообще внеположное по отношению к Модерну. Такой своеобразный альтермодерн, претендующий на изменение траектории Модерна или хотя бы на ее частичную коррекцию.

Традиция и традиционализм — это, как думается, не политическая философия или идеология, а система ценностей и представлений о бытии. Поэтому не следовало бы противопоставлять консерватизм и традиционализм. Традиционализм вообще отрицает политику как таковую: политическая борьба в системе примордиальных представлений рассматривается как свидетельство вырождения общества, отпадения от сакральной «полноты бытия», развоплощения сакральной власти и т. д.

В современном мире консерватизм теряет возможность быть универсальной идеологией, мировоззрением власти — из него актуализируются лишь некоторые аспекты: семейные ценности, запрет на опыты в области генетики человека, превалирование (на декларативном уровне) общих (коллективных) интересов над частными, естественность социальной иерархии, охранительная риторика. В целом, консерватизм — это, во-первых, политическая философия людей с холистским мировоззрением и, во-вторых, политическая идеология элиты — богатых и успешных людей. Но это два разных понимания консерватизма. Мне кажется, докладчик рассматривает консерватизм в первом понимании и игнорирует второе. Однако в консерватизме чаще всего практика не является экстраполяцией теории. В этом и заключается общая противоречивость консерватизма: одновременно он хочет быть и возвышенной, метафизически углубленной теорией, и достаточно ангажированной, далекой от идеалов справедливости, часто даже циничной социально-политической практикой.